

ВЛАДИМИР КОЛЬЧЕВ

ПАЛЕНАЯ
МЕСТЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Паленая месть / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-235223-2

1987 год. На Кубани набирает силу «сухой закон». Однако здешнему криминалу это только на руку — есть возможность заработать на «паленом» алкоголе. В кровавой схватке за новый рынок столкнулись несколько непримиримых банд. Так бы и перебили отморозки друг друга, если бы в дело не вмешался капитан милиции Валентин Сухарев. Крутой опер знает, как развести зарвавшихся молодцов. Одного только он не предусмотрел: свою бывшую любовь Карину, бросившую его ради большого чиновника, который теперь крышует местных бандитов. Именно Карина оказалась на острие удара в спину бесстрашному капитану...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235223-2

© Колычев В.Г., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Третий звонок уже прозвенел, лампочки гаснут медленно, постепенно погружая большой гулкой зал в потусторонний мир художественного волшебства. Сеанс дневной, зрителей почти нет, впереди две пары, за спиной никого, но в этом и прелесть, пустота в зале поможет глубже проникнуть в таинственный мир киноискусства. Сухарев почувствовал себя султаном, когда заиграла восточная музыка и появились полуобнаженные наложницы. «Гаджикфильм», «Последняя ночь Шахерезады». Девушки жгучие, красивые, танец живота полон огня и страсти, калифу не может не нравиться, а он просит Шахерезаду рассказать ему сказку. Танцовщицы исчезают, а жаль, одна из них живо напомнила Сухареву его ныне уже бывшую жену, такая же знойная брюнетка с чарующим взглядом. А как Карина танцевала с ним! Сейчас танцует с другим...

Сеанс уже начался, но вход еще не закрыт, в затемненный зал вошла пышноволосяя женщина с тонким станом, облегающее платье чуть ко-

роче среднего, тело переполнено чувственностью. А походка у женщины от бедра, легкое волнующее покачивание на высоких каблуках, энергия страсти через край. Лица не видно, но фигурка и походка, как у Карины, волосы такие же пышные. И черные... Но что Карина может здесь делать?

А женщина все ближе. Ее не интересует нумерация рядов, она смотрит прямо на Валентина. Знакомые глаза, губы, улыбка... Это Карина, никаких в том сомнений. И глаза что-то говорят, и губы беззвучно шепчут, а улыбка загадочная, многообещающая.

Уже год, как они расстались, обида не прошла, но боль от потери успокоилась, может, потому и не перехватило дыхание от возмущения. Карина подходит, ничего не говорит, смотрит в глаза, улыбается, рукой нащупывает сиденье, чтобы перевести его в горизонтальную плоскость. Коньяком от нее пахнет и духами, и то и то французское, любовница первого секретаря горкома может позволить себе и не такую роскошь.

Сиденье она опустила, но почему-то вдруг оказалась не в кресле, а на коленях у Валентина. Пьяная она. От коньяка. А он опьянел от нахлынувших ощущений... Или это всего лишь сон?

Валентин и не собирался в кино, мимо проходил, увидел афишу, вспомнил, как они с Кариной целовались, сидя на заднем ряду. Он тогда только-только делал первые шаги в должности

оперуполномоченного, и он молодой, и Карина. Он неопытный, а она уже знала толк в любви, много чему его научила. В кинотеатре он тогда брал первые уроки... А после свадьбы эта горячая распутная девица стала давать уроки другим. Но тогда лейтенант Валентин не знал, что ждет его впереди, верил в вечную любовь...

— Ничего не говори! — зашептала она, прижимаясь к нему.

Валентин не спал, все происходило с ним наяву, и, в общем-то, удивляться нечему. Карина — южная кровь, легко вспыхивает и без алкоголя, а если выпьет, спасения от нее просто нет. Где-то что-то отпраздновала среди бела дня, сегодня шла по улице, возможно в поисках приключений, увидела Валентина, увязалась. С ним даже знакомиться не надо, главное — напор и внезапность, а с женским обаянием у нее по-прежнему все в лучшем виде. А он уже, спасибо кино, находился в романтическом настроении...

Карина распалилась, тело, бедра в движении, платье задирается все выше, лиф тесен для ее бюста, грудь вылезла, сосок обнажился. Зрители в зале смотрят на экран, назад не оборачиваются, но в любой момент может появиться контролер с обходом, будет искать, кто грызет семечки, но найдет что-то гораздо более интересное. Еще и милицию вызовет, очень даже запросто. Но Валентин ошеломлен и уже не контролирует себя...

* * *

Медведь, он только в сказках если не добрый, то великодушный, а в жизни это дикий, порою кровожадный зверь. И полковник Зяблов только с виду плюшевый мишка, благодушный взгляд, мягкие черты лица, сдобные плечи. Он, конечно, не тиран, и ему больше нравится поощрять, чем наказывать, но, если провинился, пощады от него не жди. А у Валентина залет. Карина довела вчерашний сеанс любви до конца, никто не помешал, сначала ушла она, затем он. Вернулся в РОВД, погрузился в работу, голова долго не включалась, но это уже детали. Казалось бы, все обошлось, а сегодня его вызвали на ковер. Оказывается, кто-то видел, как Валентин выходил из кинотеатра.

— Хочешь сходить в кино, пожалуйста, никто не держит! Выходные никто не отменял! И вечерние сеансы тоже. Или просто отпросись. Макар Павлович, ну невтерпеж! Разве ж я не отпущу?.. Что там крутили?

— «Последняя ночь Шахерезады».

— Сказок захотелось? — коварно улыбнулся Зяблов. — Будут тебе сказки! Из горкома звонили, спрашивали, а что, у капитана Сухарева отгул? Или он преступность в городе победил?.. Победил преступность, Сухарев?

— Нет.

— Ну тогда жди комиссию партийного контроля... Что у тебя с текушкой? — спросил Зяблов.

Валентин, услышав вопрос, подумал: «Или Карина сама проболталась, с кем зашла в кино-театре, или Доронин устроил ей допрос с пристрастием, и она раскололась».

— Текучка... Кража на Коммунаров, ограбление на Кочубея, пока глухо.

— Может, тебе в другое кино сходить? «Петровка, 38», например, или «Огарева, 6», посмотреть, как там работают, может, умное что-нибудь почерпнешь, а то сказки, оно как-то несерьезно... — расшутился начальник. — Давай, иди бабки подбивай, а то завтра может быть уже поздно.

Валентин кивнул, отправился к себе в кабинет, но не успел взяться за дело, как появились двое с постными лицами в сопровождении секретаря парткома городского управления внутренних дел, и началось. Что-что, а со своими противниками Доронин расправляться умел.

* * *

Парень совсем уже взрослый, вес полутяжелый, а удары полноценно убойные, Толик ничего не понимал, с чего это тренер бросил его под этот танк. Толик со счета сбился, сколько ударов пропустил, голова уже не соображает, ноги едва держат непослушное тело, а Курченко наседает и бьет, бьет. Толик пропустил справа, упал, поднялся, но сил стоять уже нет, еще удар, и все.

Но звучит гонг, бой окончен. Судейского решения можно не ждать, бой проигран вчистую. Так и оказалось.

С ринга Толик уходил, не смотрел по сторонам. Тошнило его, одно лишнее движение, и вывернет наружу. Мало того что проиграл, еще и блеванул, пацаны прикалываться будут.

Толик прошел в раздевалку, сел, опустил голову. Голова чугунная, гул в ней, но это пройдет, надо всего лишь посидеть немного. Синяк под глазом надувается, но и это пройдет. Жаль, не сразу, но пройдет. Рассечений нет, кровь даже носом не шла. Нос у Толика крепкий. Да и голова, в общем-то, тоже. Нужно немного посидеть, не шевелясь, кровь успокоится, боль отступит.

— Ты Маркин? — откуда-то справа донесся густой мужской голос.

Непонятно, откуда взялся этот голос, никого в раздевалке не было и вроде бы никто не заходил.

— Ну я.

Толик поднял голову: перед ним стоял коренастый парень с широким лицом и далеко посаженными глазами. А глаза еще и выпученные, это придавало ему сходство с жабой. Почему-то вспомнилось, как они с пацанами били из рогатки лягушек на пруду. Это сейчас Толик взрослый, восемнадцать скоро, это сейчас он понимает, что нельзя без надобности убивать живность, даже мелкую...

— Удар хорошо держишь, Толик!

- А ты кто такой?
- В бурсе учишься?
- Ну а где?

Странный вопрос: спортзал в профтехучилище солидный, любая ДЮСШ позавидует, секция бокса только для своих. Бесплатно. Секция карате — в ней заниматься можно уже за деньги, Толик и хотел бы записаться, но в кармане пусто. Отец бухает, у матери брат младший на шее, две сестры, Толик помогать семье должен, а не деньги тянуть. Да он, в общем-то, помогает, с ребятами нет-нет да и ходят на мясокомбинат грузчиками подрабатывать, за ночь двадцатку поднять можно, а то и тридцатку. Стипендия, опять же, тридцать пять рублей, а столовая у них дешевая, за тридцать копеек от пуза можно наесться. И на себя хватает, и матери отсылает. Не так уж все и плохо.

- С деньгами туго? — спросил парень.
- Нормально все.
- Подзаработать хочешь?
- Завтра пойдем, с комбината звонили.
- Мясо грузить?
- Ты кто, вообще, такой? — Толик резко поднялся.

Вместе с ним поднялась и тошнота, к самому горлу подкатила. Толик усмехнулся, как-то не жалко выbleвать на этого хрена с бугра. Откуда он такой взялся, все про него знает?

- Гарик я, может, слышал?

— Нет!

— А Чинзано?

Толик кивнул, знакомое имя. О Чинзано на районе знали все, на дискотеку в клуб лучше не ходить, там его банда пасется, пригласишь девчонку на танец, все, считай, домой не вернулся. Чинзано знали, Чинзано боялись, хотя кто он такой, Толик толком не знал. Даже не видел его. Ну зону топтал, ну крутой, все, больше ничего не известно.

— Ну ты же не Чинзано?

— Я нет, но я с ним.

— И что тебе нужно?

— Нам нужно. Бойцы нужны, крепкие ребята, а ты и машешься конкретно, и удар держишь. Видел, как тебя молотили, хорошо держался.

— И что? Чинзано меня в свою банду возьмет?

— Да какая там банда, так, шпана, только бухать в три горла! Сам не балуешься?

— Нет! — уверенно ответил Толик.

— А вы на комбинате мясо в вагоны грузите?

— И в вагоны, и в фуры. А что?

— Смог бы фуру угнать?

— Чего?! — вскинулся Толик.

— Это деньги, реальные деньги! — Гарик внимательно смотрел в глаза Толику. — Фуру взяли, косарь на брата.

— Косарь?! В смысле, тысячу рублей?! — захолопал глазами Толик.

— Ну-у!

Деньги большие, можно даже сказать, запредельные, а у государства брать не самый большой грех. Все берут. Все выносят. По мелочи. А фура — это уже по-крупному. Большому кораблю — большое плаванье.

— Ничего себе!

— А ты думал!

— И что делать нужно?

— Я же сказал, фуру угнать.

— Там охрана, не выпустят.

— Я смотрю, ты уже забился, — засмеялся Гарик. — Это хорошо... Не надо ничего угонять, не надо. Это я так сказал, посмотреть на тебя хотел. Нам отчаянные ребята нужны, такие, чтобы в огонь и в воду... Пойдешь?

— В огонь?

— К нам. Через огонь.

— А деньги? — спросил Толик.

— Деньги будут!

Гарик выразительно смотрел на него. И деньги будут, и уважение, но заслужить это будет не просто. Что ж, Толик готов рискнуть. Он, в общем-то, парень отчаянный.

* * *

Пригородный поселок, участковый пункт милиции в кирпичной пристройке к пятиэтажному дому, две комнаты и камера с железной дверью.

Июль месяц, жара несусветная, вентилятор натужно лопатит горячий воздух, но свежести нет, хотя дверь открыта настежь.

Сухареву хорошо, он молодой, до тридцати целый год, сухопарый, жара на него, конечно, действует, хочется куда-нибудь на речку, а лучше всего на море, и не на солнце, а в тенек. Но пот с него градом не катит, под мышками горячо, но сухо. И рубашка на спине не взмокла. Другое дело капитан Темочкин Богдан Пантелеевич, его новый непосредственный начальник. Этот жирком к своим сорока годам заплыл, тело как холодец, при каждом движении колышется. Лицо красное от жары, на голове платок носовой на узелочках, чтобы пот на глаза не стекал, рубашка мокрая, даже погоны влажные, он ее не снимает, сырость, она вроде как охлаждает. На улице ни ветерка, сквозняк никакой, движение воздуха от вентилятора еле чувствуется, не продует, не просквозит. А если вдруг, больничный можно взять. Наконец-то у начальника опорного пункта нежданно-негаданно появился подчиненный, капитан Сухарев. Афанасьевский — поселок маленький, по штату положено двое участковых, но хватало и одного. А тут вдруг подфартило, пополнение нежданно подошло. Не было бы, как говорится, счастья... Несчастье с Валентином произошло, партийная комиссия накопила кучу нарушений, к реальности присовокупила свои

фантазии, в итоге Валентина исключили из партии. Провели собрание, вынесли решение, понятное дело, Доронин его утвердил. Как-никак он все это безобразия и организовал.

Вслед за одним наказанием последовало другое: Валентину впаяли служебное несоответствие и перевели в участковые. Причем с понижением, с майорской на капитанскую должность, впрочем, очередное звание светило ему только через два года. Хотя могли присвоить и досрочно, капитана ему на год раньше дали. За реально высокие показатели в работе. Отлично ему служилось, пока жена окончательно не сшалавилась. Доронин женат, партия разводиться не велит, вот он и выкручивается. Карина только числится в любовницах, а живет он с ней как с женой. Как с блудливой женой. А как он хотел? Если жена гуляет от первого мужа, с чего она будет хранить верность второму?

— Поселок у нас, я тебе скажу, тихий, всего четыре пятиэтажки, все на виду, гастролеры сюда не сунутся. А лезть грабить частный дом — удовольствие так себе, — усмехнулся Темочкин. — Люди у нас добрые, собаки злые.

— Ну да, — усмехнулся Валентин.

Домушники его как раз-то не пугали, на квартирных кражах он собаку съел, с удовольствием возьмется за дело. И попробует раскрыть, пока коллеги из РОВД на себя дело не перетянут.

Участковый серьезными кражами не занимается, вот если яблоню обнесут или гуся там украдут, тогда, пожалуйста, тогда работайте.

— Самогонку да, самогонку понемногу гонят. Сухой закон, выпить хочется, как тут запретишь?.. Нет, меры-то мы, конечно, принимаем! — спохватился Темочкин. — А то ишь удумали, в стране дефицит, а они сахар переводят на всякие там непотребные нужды.

— Как это дефицит? — с наигранным возмущением повел бровью Валентин. — В стране победившего социализма?! Дефицит?! И преступность мы победили.

— Ну, если хорошие оперативники уже не нужны, тогда, наверное... Как ты говоришь, страна, победившая социализм? — риторически спросил Темочкин. И тут же спросил: — Как у тебя с жильем в городе?

— Никак.

Пять лет Валентин в очереди на жилье, но пока никаких подвижек. Пять лет квартиру снимает, пять лет от зарплаты до зарплаты живет, а кто-то в роскоши купается, дома двухэтажные строит, машины покупает. Цеховики, директора магазинов, рынков, богатство свое напоказ стараются не выставлять, но люди-то видят. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Это про Карину. Она-то неплохо устроилась, продавщицей в универсам, а это доступ к дефици-

ту. В обмен на доступ к своему телу. Впрочем, она позволяла многое и без обмена, за хорошее к себе отношение. И цеховикам позволяла, и партийным работникам, а Валентин работал как проклятый, света белого не видел. И не сразу понял, что его жена принадлежит не только ему. А когда понял, Карина уже принадлежала Дорониному.

— Снимаете?

— Снимаю.

— Один живешь?

— Ну так в разводе же, — Валентин кивком указал на стопку папок с завязками.

Его личное дело находилось в отделе кадров, но информацией Темочкин владел.

— Ну в разводе... Есть у нас тут одна веселая вдова, гарна баба! — Капитан приложил руки к груди, намекая на пятый-шестой размер груди. — Полдома сдает!.. Дом хороший, со всеми удобствами!

— Спасибо.

— Квартира в соседнем доме есть. Однокомнатная, недорого, но нужен ремонт. Обои там поклеить. У кума моего у знакомой мать в этой квартире умерла, три дня пролежала. В жаре... Но квартирка хорошая. Галка тебе за двадцать рублей сдаст, я с ней поговорю.

— Ну, если двадцать рублей... — задумался Валентин.

Город совсем рядом, сел в автобус, через сорок минут уже дома. Но со Старокубанском его ничего не связывало, родители в станице, жены, детей нет, а квартира съемная, такая же однокомнатная, но за пятьдесят рублей. Вроде бы и не очень дорого, но хозяйка вредная, то не так, это не эдак, а еще дочь у нее скоро замуж выйдет, квартиру освободить надо будет.

— Ну, и ремонт, я думаю, пару пузырей. Можно самогонкой расплатиться... Есть у меня тут один алкаш, он тебе из квартиры конфетку сделает. Но, сам понимаешь, берет исключительно в жидкой валюте! — улыбнулся Темочкин.

За открытой дверью послышались шаги, кто-то взлетел на крыльцо: в помещение ворвался вихрастый паренек с конопатым носом. Белая в мелкий горошек рубаха нараспашку, живот в земляной пыли.

— Дядька Богдан, Кулиша бьют! — выдохнул он.

Грузный Темочкин еще только выбирался из-за стола, а Валентин уже бежал, куда указывал вихрастый. И действительно, в проходе между пятиэтажками трое лупили одного. Здоровые лбы, молодые, неряшливые и, похоже, пьяные. Худой костлявый парень лежал на отмостке вокруг дома, закрывая лицо, а эти били его ногами. Один даже нагнулся, руками опираясь о стену дома, чтобы легче было стоять на одной ноге, а другой бить.

Здесь же валялся ящик с водкой, он был перевернут, большая часть бутылок разбита, остро пахло спиртом.

— Атас, менты!

Двое побежали сразу, а третий, который стоял, опираясь на руки, замешкался. Неудачно оттолкнулся, упал, пока поднимался, Валентин схватил его за руку, заломил за спину. Он уже приступил к обязанностям, пистолет еще не получил, но наручники при себе. Пока Темочкин подоспел, Валентин уже окольцевал задержанного.

— Ух ты!

Потерпевший лежал на боку, не в состоянии подняться, Темочкин мог бы подать ему руку, но он первым делом перевернул ящик и вынул из груды осколков чудом уцелевшую бутылку.

Парню помог подняться Валентин, оставив задержанного лежать на земле. К самому ящику его подтянул, пусть нюхает, наслаждается.

— А-а, Борисенко!

Темочкин подошел к потерпевшему, взял его за плечи, потряхнул, заставляя поднять голову, осмотрел лицо. И синяк под глазом назревает, и нос разбит, губы опухшие, одежда грязная. Джинсы старые, штанины длинные, их бы подшить, но Борисенко просто подвернул, как это делали раньше, когда было модно. И в этом под-

вороте застрял испревший дубовый лист. Такой можно было подцепить только в лесу.

— Водка твоя?

— Ну да, моя, на всякий случай взял, — сказал парень, щедро выдохнув перегаром.

— Целый ящик?

Сухой закон не предполагал полный запрет на алкоголь, водка продавалась в магазине в строго отведенное время, стоила она дорого, почти червонец за бутылку, но за ней выстраивались очереди. И продавали в лучшем случае по две бутылки на руки. Одному целый ящик не продадут.

— Ну, я мужиков там попросил, они помогли, — промямлил Борисенко.

— Те мужики, что тебя били? — спросил Тёмочкин.

— Ну да.

— А ты что, гурман, Борисенко? — спросил Валентин.

В одной руке он держал бутылку «Пшеничной», а в другой за горлышко остатки «Столичной».

— В смысле?

— Водка почему разная? «Пшеничная», «Столичная».

— А что продавали, то и брал!

— Вчера две фуры угнали, одну с «Пшеничной», другую со «Столичной», — сказал Сухарев.

В расследовании этого громкого дела он, по известным причинам, не участвовал, но представление о нем имел. Вчера в родное отделение заскочил, просветили.

— А я здесь при чем? — мотнул головой Борисенко.

— А вдруг это водка из тех самых партий? Двое водителей убиты, экспедитор, за это высшая мера наказания светит, дружок!

На самом деле судьба пропавших водителей и экспедитора не установлена, но вряд ли их оставили в живых.

— Да не убивал я никого! — побледнел потерявший.

— А водка может быть ворованной?

— Я откуда знаю?

— А в лесу что делал?

— В лесу?! Ничего, просто ходил!.. Там водка была! Ящиков десять, битые бутылки, целые, все вперемешку. С «Пшеничной» только один ящик... Я вот собрал, домой понес. Не донес, — вздохнул Борисенко.

Валентин кивнул, глянув на задержанного. Ящик водки сейчас целое богатство, ни много ни мало его месячная зарплата. Местные алкаши чуть не убили Борисенко за ящик. А кто-то, возможно, убил водителей и экспедитора — за две фуры с водкой. Возможно, трупы этих людей где-то рядом.

Лесополоса узкая, между рекой и проселком, но растительность пышная: кусты, деревья. К реке, наискосок через посадку, теряясь в траве, спускалась дорога. Неподалеку от нее и валялись ящики с битыми бутылками. Только ящики, больше ничего.

— Вот видите, все разбито! — замахал руками Борисенко.

— Далеко забрался, — глянув на мотоцикл, сказал Валентин.

Счетчик на спидометре показывал три километра от черты поселка.

— Да купаться ходили, место здесь хорошее.

— Когда ходили?

— Вчера...

— А сегодня?

— Так развезло меня вчера, мужики ушли, я остался. Проснулся утром, искупался, домой пошел... Иду, глазам своим не верю!.. Думал, здесь и останусь!..

— Не остался. С ящиком три километра прошел, ничего больше не видел?

— Нет!

— Ну, хорошо... В люльку давай, сиди там, не рыпайся. А то на пятнадцать суток закрою.

— За что?

— Давай, давай!